

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

НОВЫЕ КНИГИ ПО ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

С. А. Токарев. Истоки этнографической науки. М., 1978, 164 с.; его же. История зарубежной этнографии. М., 1978, 352 с.

Судьба этнографии как особой отрасли человеческого знания своеобразна, наполнена неожиданными, подчас даже курьезными явлениями, но вместе с тем и глубоко закономерна. Если в период своего зарождения, немногим более века тому назад, наша наука воспринималась большинством неспециалистов как экзотическая, несколько даже эзотерическая игра ума, направленная на обобщение и анализ многочисленных, но с трудом поддающихся проверке и в массе своей незнакомых читающей публике данных о малоосвоенных европейской цивилизацией частях земного шара, то в дальнейшем, особенно во второй половине XX в., этнография превратилась в одну из настолько развитых социальных дисциплин, что ряд зарубежных ученых склонен даже рассматривать ее как науку о человечестве в целом, исследующую практически все аспекты его существования. Так, видный исследователь XX в. Лесли Уайт, чье творчество тщательно анализируется в одной из рецензируемых книг, назвал «культурную антропологию» (что в общем соответствует «этнографии» в советской терминологической традиции) вершиной развития человеческого знания, превзойти которую уже не дано, так как люди, основываясь на знаниях об окружающем мире, создали в конце концов науку о самих себе, позднейшую из возникших, но призванную объединить и синтезировать выводы и результаты всех прочих отраслей человеческой деятельности. Хотя мнение Лесли Уайта и выглядит в высокой степени категоричным и гипертрофированным, оно, несомненно, отражает необычайно возросший в наши дни авторитет этнографии (или культурной антропологии).

Именно эта универсальность этнографической науки, очевидно, и обуславливает все возрастающий интерес, который проявляется по отношению к ней среди наших коллег, представителей смежных дисциплин, среди людей, занятых практической деятельностью по организации и регулированию общественной жизни, наконец, просто среди любознательных читателей. Интерес этот ощущается повсеместно: на Западе, где культурный антрополог среди неспециалистов рассматривается как ученый, обладающий набором чудодейственных «отмычек» к наиболее сложным социальным и национальным проблемам; в развивающихся странах, где он скорее известен как спутник недавно ушедшей в прошлое колониальной администрации, порой как посредник между ними и метрополией, реже — как друг и защитник их интересов; в социалистических странах, в том числе и в силу сложившейся традиции в нашей стране, где этнограф нередко известен широкому читателю прежде всего как путешественник, совершающий интересные, но довольно далекие от повседневной жизни открытия из области древних миграций, прошлой и современной жизни далеких народов и т. п. Существование этого последнего, весьма далекого от реальности взгляда на этнографа, как нам представляется, в значительной степени объясняется недостатком хороших и широко доступных книг, в которых рассматриваются основные проблемы нашей науки, существование споров и дискуссий, ведущихся в ней, методы исследования, место и роль этнографа в современной жизни, сложные и далеко не всегда однозначные взаимоотношения этнографии со смежными общественными и естественными науками. Попытки анализа всей этой проблематики, конечно, не раз предпринимались у нас как в научной, так и в научно-популярной литературе (как на удачный пример последней можно указать на творчество известного популяризатора этнографии и антропологии Р. Подольного, чьи произведения, увы, превращаются в библиографическую редкость практически сразу же после их выхода в свет), но количество их явно недостаточно. Кроме того, в имеющихся работах сформулированные вопросы обычно становились предметом чисто теоретического рассмотрения, в то время как рамки историографического анализа, пожалуй, наиболее удачные и приемлемые для комплексного исследования и оценки

основных проблем науки, применялись редко. Как это ни парадоксально, до недавнего времени в нашей стране не было сводных историографических работ по этнографии в целом, из которых желающие могли бы почерпнуть сведения о возникновении, развитии и исчезновении этнографических идей и концепций. Вероятно, это можно объяснить только тем, что столь огромная задача оказывалась не под силу отдельным этнографам, углубленным обычно в исследование конкретных, более ограниченных проблем и регионов.

И вот теперь, наконец, долго ожидавшиеся многими две книги, принадлежащие перу одного из наиболее опытных и эрудированных советских этнографов, С. А. Токарева, лежат на нашем столе. Собственно говоря, они составляют единый ансамбль с вышедшей на десятилетие раньше книгой того же автора «История русской этнографии», и хотя в этом ансамбле недостает еще исследований по развитию этнографической мысли в странах Востока и по истории советской этнографии, он все же может претендовать на то, чтобы считаться наиболее полным историографическим исследованием по этнографии, вышедшим до сих пор на русском языке. В этих книгах не только содержится обширнейший фактический и справочный материал, но и приводится, особенно в «Истории зарубежной этнографии» (далее «История...»), анализ основной проблематики науки и критическая оценка разнообразных направлений и концепций, существовавших в прошлом и продолжающих существовать в настоящем.

Существенно отметить, что С. А. Токарев стремится в этих книгах проследить историю этнографии, как особого направления общественной мысли и выявить ее связь с господствующими идеологическими течениями того или иного времени. Этим объясняется и подчеркнутое внимание автора к философским корням отдельных этнографических концепций, к общеметодологическим аспектам тех или иных школ. В целом такой подход можно оценить как несомненное достоинство творческого стиля С. А. Токарева, хотя вместе с тем следует отметить, что в отдельных случаях он приводит к недостаточной освещенности таких направлений, идей и методов, которые с философской стороны являются более частными, но с внутридисциплинарной, профессиональной, точки зрения очень важными.

В основу рецензируемых исследований положен университетский цикл лекций по истории этнографии и этнографических знаний, которые С. А. Токарев читал в течение многих лет на возглавлявшейся им кафедре этнографии Московского государственного университета и на которых воспитывалось целое поколение советских этнографов. Но именно эта преимущественно вузовская ориентированность двух рассматриваемых книг и составляет их специфику, очерчивая основной круг читателей, к которым они обращены. Это в первую очередь, как мы читаем на титульном листе одной из них — студенты, обучающиеся по специальности «История». Иными словами, и автор, и издатели мыслили эти сочинения, особенно «Историю...», как учебное пособие, в котором, с одной стороны, необходима максимальная полнота и детализированность разбираемого материала, с другой — выводы и критические оценки, которые должны быть как можно более четкими, недвусмысленными и укладывающимися в определенную общую схему, так как студент должен почерпнуть из учебника некоторый стержневой набор четких постулатов и оценок для того, чтобы ориентироваться в обширном учебном материале. Однако большинство читателей (включая рецензента), впервые получившие книги на русском языке, посвященные истории этнографии, имеют полное право воспринимать их не только как учебное пособие, но и как нечто гораздо большее, а именно, как глубоко научное историографическое исследование.

Первая из рецензируемых книг — «Истоки этнографической науки» далее («История...») служит необходимым введением ко второй, более сложной, но вместе с тем, по моему мнению, и более интересной книге. В «Истоках...» подробно прослеживается длительный, многотысячелетний процесс узнавания человечеством самого себя — от эпохи становления первых классовых обществ вплоть до середины XIX в., когда на смену наивным схемам и описаниям экзотических путешествий приходят первые концепции и теории. Впечатляет добросовестное и детальное изложение автором разнообразных источников самых разных периодов, умение отобрать из, казалось бы, общеизвестных фактов, относящихся к эпохе истории географических открытий, именно те, которые укладывались в строящееся здание будущей этнографической науки. Яркие страницы, посвященные открытиям европейских путешественников конца XIII — начала XV в., заставляют думать о том, насколько все же стереотипизировано наше восприятие прошлого. Привыкнув думать, что лишь после плаваний Васко да Гамы Европа снова оказалась связанной с Востоком, мы забываем о том, что первым флотом, с которым сразился тот же Васко да Гама у берегов Индии, был венецианский, что еще в начале XIV в. в Ханбалыке (нынешнем Пекине) постоянно пребывали лапские представители, что Порденоне и Конти почти повсюду встречали своих соотечественников или единоверцев. Интересным в связи с этим могло бы быть и рассмотрение странствий известного еврейского средневекового путешественника Беньямина Тудельского, оставившего еще в XII в. богатый этнографическими деталями отчет о посещении стран Ближнего Востока и Индии. К сожалению, в книге он не упоминает.

Вообще же «Истоки...» пронизывает идея историзма — единственного, как это неоднократно подчеркивает автор в самых различных своих сочинениях, в том числе и рецензируемых, научно обоснованного метода познания в этнографии. Надо, однако, отметить, что все же «Истоки...» рисуют читателю картину познания мира главным

образом глазами европейца. Для более полного изложения этой темы был бы, несомненно, желателен анализ «Махабхараты» и «Рамаяны», плаваний средневековых арабских путешественников, китайских мореплавателей в Африку, яванской «Нагаракартагамы» и малайской «Хикаят Ханг Туах». Конечно, нельзя поставить отсутствие в «Источках...» раздела о Востоке в упрек автору, специально оговорившему в предисловии свою некомпетентность в этой области. Но хочется подчеркнуть, что исследования подобного рода необходимы для того, чтобы в дальнейшем читатели могли бы получить разностороннее и целостное освещение рассматриваемых проблем.

«История...», как я уже отмечал, сложнее, чем первая книга, интереснее и, главное, оригинальнее. Большинство тем, рассматриваемых в ней, еще не обсуждалось в советской научной печати, хотя зарубежная уже накопила в этой области немалый опыт, во многом использованный автором. С. А. Токарев выбрал для книги строго классическую композицию — хронологически последовательное рассмотрение различных школ и направлений, в рамках которых анализируется творчество отдельных ученых. Композицию эту нельзя не признать удачной, особенно имея в виду учебное назначение книги. Вслед за небольшим теоретическим и историографическим «Введением» и маленькой главой «Анамнез. Доистория этнографической науки», представляющей собой краткое изложение «Источков...» на 5 страницах, следует большая глава, посвященная становлению этнографии как науки и классическому эволюционистскому направлению. В ней излагается также ставший уже классическим взгляд советской науки на эволюционистское направление, подробно рассматриваются концепции Бастиана, Мак-Леннана, Либбока, особенно Тэйлора и Моргана. К сожалению, в этой главе, да и вообще во всей книге не дано особого очерка о творчестве Фрэзера, чьи произведения пользовались всегда большой популярностью в России и чье имя традиционно связывается с наиболее видными представителями эволюционизма. В рецензируемой книге взгляды Фрэзера рассмотрены на двух страницах в подглавке «Преанимизм», вошедшей в главу «Этнография в конце XIX в.», вместе с концепциями Богоразы, Карутца, Маретта, Вундта и др. Вместе с тем в той же главе гораздо менее известным ученым посвящено намного больше места. Так, например, на очерк о Старке, представляющем сейчас чисто историографический интерес, ушло 4 страницы. Примерно в таком же объеме освещено и творчество Кунова, Гроссе, Шурца, чьи труды вспоминаются современными исследователями лишь в узко специальных работах, или Бюхера, который вообще не был этнографом. Замечание о некоторой несоразмерности места, отведенного творчеству того или иного исследователя и его роли в становлении современной науки, относится не только к этой главе, но и практически ко всей книге, особенно к разделам, где рассматривается современное состояние зарубежной этнографии.

Вообще же глава о постэволюционистском периоде, следующая за важной в теоретическом плане главой «Карл Маркс и Фридрих Энгельс, их роль в развитии этнографической науки», содержательна и чрезвычайно полезна. Период этот в настоящее время, пожалуй, наименее известен тем нашим коллегам, которые специально не занимаются историографией, но в нем мы находим истоки многих актуальных сейчас идей, хотя у постэволюционистов они порой, с современной точки зрения, кажутся анахронизмами.

Оценка диффузионизма, которому посвящена 5-я глава, в книге очень резкая и категорически отрицательная. Это относится, впрочем, только к центральноевропейским диффузионистским школам, которые, судя по дальнейшему развитию этнографии в Германии и Австрии, действительно оказались тупиковыми ветвями в науке. Несмотря на это, указанным школам отведено непомерно много места, в том числе дано даже изложение философских риккертских корней гребнерианства. Думается, что столь подробный разбор давно устаревших концепций обязан своим появлением давней традиции массивной критики «культурно-исторического» направления, проводившейся со страниц советской научной печати в 30-е—40-е годы, когда диффузионизм представлялся одним из ведущих течений зарубежной этнографии. Гипертрофирована, как мне представляется, оценка С. А. Токаревым гребнерианства как «идейного оружия в борьбе с... марксизмом» («История...», с. 148). Ведь в то время, когда Гребнер создавал свои труды, марксистского направления в этнографии еще не было — так зачем было и копыа ломать? Впоследствии же диффузионистские концепции (например, «венская школа») не только не смогли выработать эффективное оружие в борьбе с марксизмом, но в силу своих крайних позиций подорвали свой авторитет даже в рамках буржуазной науки. Вместе с тем полное отрицание научной потенции германоязычных диффузионистов, конечно, также было бы несправедливо, и весьма отродно, что С. А. Токарев, при своем явном отрицании этого направления в целом, отмечает и его положительные стороны, с объективностью, которая вообще характерна для историографических работ этого автора. Диссонансом с этим звучит упоминание о якобы «научных» экспедициях сторонников «прамонотеизма» («История...», с. 158). Неужели С. А. Токарев ставит под сомнение научный характер исследований Копперса, Гузинде и др.? Диффузионизм, как известно, не получил широкого распространения за пределами Центральной Европы, если не считать курьезной школы «панегиптизма» и ряда других, столь же экстравагантных, «теорий». Рассмотрение творчества Риверса, одного из наиболее интересных этнографов начала века, уже с трудом вмещается в рамки диффузионизма. Идеи его, конечно, намного шире и в некоторых отношениях довольно близки идеям советского исторического направления в этнографии. Что же касается Рас-

муссена и Биркет-Смита (кстати, этот ученый скончался несколько лет тому назад, но дата смерти в книге не проставлена), то их сближает с гребнерианским или фробенианским диффузионизмом едва ли большее, чем самого автора рецензируемой книги, — всего лишь признание «важности явлений диффузии культуры в связи с общим ходом ее развития» («История...», с. 167). Думается, что одно это не дает основания для включения их в состав диффузионистов.

Вслед за необходимой в такой работе главой о расизме в этнографии, доведенной почему-то только до Х. Чемберлена, т. е. до начала XX в., следует раздел о фрейдизме, к которому С. А. Токарев относится с настороженностью и склонен оценивать его влияние на зарубежную этнографию скорее как отрицательное, сравнивая методы фрейдистов с методом Прокруста («История...», с. 201). Очевидно, именно в этой главе наиболее четко проступает свойственное автору в ряде случаев стремление «упростить» слишком наукообразные, по его мнению, взгляды и идеи своих коллег, апеллировать при их оценке к категориям бытового здравого смысла. «Само стремление везде и всюду видеть „символы“ и не видеть за ними простых обыденных вещей, — пишет он, — скорее сбивает исследователя с пути, чем ведет его на правильную дорогу» («История...», с. 201—202). Однако, справедливости ради, стоит отметить, что и фрейдисты, и в еще большей степени структуралисты, и последователи школы когнитивной антропологии сумели за простыми обыденными вещами увидеть нечто такое, что позволило в ряде случаев совершенно по-иному взглянуть на них, выявить некоторые общие закономерности человеческого восприятия действительности, которое не может быть иным, чем знаково-символическим в самом широком смысле этого слова. Что же касается видения «простых обыденных вещей», то сам автор вполне справедливо упрекает Малиновского в банальности наблюдений за такими феноменами, как «потребность дышать», «половой акт» и т. п. («История...», с. 232). Но в целом оценка фрейдизма как бокового, маргинального направления в буржуазной этнографии представляется вполне логичной.

Не менее критически относится С. А. Токарев и к более поздним неопрейдистским школам, объединяемым на Западе под общим наименованием «культура и личность». Им посвящена в книге глава «Этнопсихологическое направление в американской этнографии». Подводя итоги деятельности американских этнопсихологов, автор пишет: «Изучение детской психологии представляет, пожалуй, самое положительное (или, может быть, единственно положительное), что дала этнопсихологическая школа» («История...», с. 278). Думается, что при всех известных недостатках и теоретической ошибочности этого направления оценка С. А. Токарева все же слишком сурова. Нельзя представить себе современную этнографию, вернее современную этнопсихологию, без многих понятий и методов, введенных представителями школы «культуры и личности». К ним относятся и попытка разработки понятия «национального характера», и представление о национальных стереотипах и автостереотипах, и чрезвычайно содержательные, хотя порой чрезмерно категоричные выводы о роли систем воспитания и социализации в жизни общества, и исследования о значении эротического фактора в разных культурах, и упомянутые автором тонкие и сложные психологические тесты, введенные в инструментарий этнографа, и многое другое. Направление это дало науке ряд блестящих имен; среди них недавно скончавшаяся М. Мид, творчество которой, к сожалению, практически не отражено в книге. Не случайно, очевидно, развившиеся в последние два десятилетия советские этнопсихологические исследования во многом опираются на опыт и инструментарий представителей именно этого направления. В то же время, несомненно, что истоки наиболее ярких и известных современных направлений в зарубежной этнографии лежат не во фрейдизме, а во французской социологической школе, функционалистском направлении и школе Боаса в Америке. Им и посвящены главы 8, 9 и 10 в книге С. А. Токарева.

В них читатель находит чрезвычайно детальный разбор творчества Дюркгейма, Мосса, Леви-Брюля, Малиновского, Радклиффа-Брауна, Боаса, Кребера, Гольденвейзера, Лоуи и других видных ученых, примыкавших к этим школам. Выше всего С. А. Токарев, насколько можно понять, оценивает вклад Боаса в развитие этнографической науки. Его творчество импонирует автору не только своей концептуальной направленностью, но и ярко выраженным демократическим содержанием. Более сдержан подход автора к основателям функционализма и английского структурализма, а также к более поздним представителям американской исторической школы. Резкой и во многом заслуженной критике подвергается антиисторизм Малиновского и его учеников; при этом, однако, упускается из виду, что именно в произведении Малиновского впервые отчетливо прозвучала мысль о противопоставлении синхронии и диахронии, о выделении синхронистической формы анализа как особой формы исследования, имеющей право на существование. Мысль эта имеет первостепенное теоретическое значение, и актуальность ее несколько не померкла с тех пор. Слабая сторона Малиновского — отрицание пользы диахронных исследований, но сильная — утверждение права на синхронное рассмотрение культур. Совершенно по-иному, чем в более ранних советских историографических работах, С. А. Токарев смотрит на пресловутую связь функционализма с колониализмом. «Не следует ставить в вину, — пишет он, — основоположникам функционализма то, что их труды были использованы колониальными властями. Сами они вдохновлялись вовсе не этой целью» («История...», с. 245). Как представляется, мнение это справедливо, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что функционализм и в еще большей

степени английский структурализм оказались далеко не пустоцветами, а и по сию пору представляют собой (уже после крушения колониальной системы) видные и яркие направления в западной этнографии.

Предпоследняя глава книги, «Современное состояние этнографической науки в капиталистических странах Европы и Северной Америки», будучи одной из самых объемистых во всем сочинении, тем не менее, более, чем какая-либо другая часть книги, страдает неполнотой и фрагментарностью. В ней читатель находит очерки целого ряда известных послевоенных школ, таких как неозволюционизм, культурный релятивизм, экономическая антропология, европейский структурализм в его французской и английской разновидности. Однако в ней опущены целые крупные ведущие направления в современной зарубежной науке, например, оказавшее большое влияние так называемое холокультуралистское или кросс-культурное направление, основанное в конце 40-х годов Мердоком. Этот исследователь вообще упомянут в книге только один раз в перечне участников дискуссии в Антропологическом обществе Вашингтона. Современное развитие структурализма почти не охарактеризовано, практически ничего не сказано о попытках синтезировать кросс-культурный подход с методикой Леви-Стросса, об опытах внедрения формализации в этнографические исследования, о математических теориях родства, о формально-семантических школах, о широкой концепции «антропологии» как науки, объединяющей «культурную антропологию», «физическую антропологию», лингвистику, доисторическую археологию, историю первобытного общества, фольклористику и «этнологию» (концепция издателей журнала «Современная антропология» — «*Current Anthropology*»), и о многих других интересных и важных явлениях современной науки на Западе. Несправедливо было бы, однако, ставить это в упрек автору, так как он специально оговорил на титульном листе, что в книге дается обзор истории развития этнографических знаний с середины XIX в. до середины XX в. (к сожалению, в текст вкралась опечатка и вместо «середины XX в.» написано «начала XX в.»). Тем самым явления, о которых я упомянул, выходят за хронологические рамки предпринятого С. А. Токаревым исследования.

Пожалуй, неудачно название этой главы — действительно, Херсковиц, Лесли Уайт, Эванс-Причард, Йенсен и др. характеризуют не столько современное состояние этнографической науки на Западе, сколько ее недалекое, но очень важное прошлое. В любом случае читатель благодарен автору за эту попытку синтеза разнообразных материалов, в большинстве своем слабо известных советскому читателю, даже имеющему профессиональную этнографическую подготовку. Из этой главы можно почерпнуть сведения в том числе и о видных современных этнографах, например о Леви-Строссе, чей метод, по мнению С. А. Токарева, «едва ли может принести пользу науке» («История...», с. 313). Впрочем, тут же он меланхолически замечает: «Как бы то ни было, но научная репутация Леви-Стросса, стоит, несмотря на острую критику его сочинений, очень высоко». Причины этой высокой репутации автор практически не анализирует. В этой же главе читатель впервые узнает об очень важном делении этнографии на «антропологическое» и «родноведческое» направления. Деление это принципиально настолько, что во многих странах Запада они мыслятся вообще как разные науки (кроме некоторых малых европейских стран, где господствует именно родноведческое направление). Стоило бы, наверно, упомянуть об этом различии раньше. Завершается книга содержательной главой «Развитие этнографии в социалистических странах Европы», в которой рассматривается преимущественно изучение народов этих стран.

Завершая этот краткий обзор двух книг С. А. Токарева, хочется отметить их некоторые, на мой взгляд, общие недостатки и выделить, несомненно, доминирующие положительные стороны. С. А. Токарев создал действительно фундаментальное исследование, охватывающее практически всю историю такой сложной и многогранной науки, как этнография. Призвав на помощь всю свою богатейшую эрудицию и более чем полувековой опыт исследовательской и преподавательской работы, автор поставил перед собой задачу, которая едва ли была бы под силу даже целому авторскому коллективу и выполнил ее блестяще, еще раз подтвердив этим свою репутацию одного из выдающихся представителей советской этнографической школы. В рецензируемых книгах содержится обстоятельный разбор и критика почти всех сыгравших роль в развитии науки школ и направлений, при этом, что особенно приятно, критика эта исключительно деловая и корректная. Среди недостатков, которые, впрочем, можно легко устранить при последующих изданиях, как мне представляется, можно назвать чрезмерно общий подход к этнографическим школам, сосредоточенный прежде всего на их философских или общенсторических позициях. В результате развитие чисто профессиональных концепций, приемов, методов часто ускользает от читателя. Так, например, мы ничего не узнаем, скажем, об эволюции взглядов на системы родства (после Моргана), о концепции Сэпира-Уорфа, о глоттохронологии, о шкале Гуттмана, о методике полевых исследований и т. д. А ведь именно такие вещи и составляют тот необходимый фонд профессиональных представлений и навыков, которые только и могут превратить эрудированного дилетанта в настоящего специалиста. Понятно, что объем книги не позволяет затронуть все, но все же можно было бы расширить конкретную часть за счет некоторого сокращения общеполитической. Досадно также, что в книге есть ряд упущений, касающихся тех или иных школ или направлений. Наиболее значительным из них представляется полное игнорирование развития этнографии в Нидерландах. Знаменитая Лейденская школа во главе с И. П. Б. де Йосселином де Йонгом справедливо

считается одной из первых крупных структуралистских школ мира. Велики также заслуги и более консервативной Амстердамской школы. Без этого история европейской этнографии выглядит неполной. В числе более мелких недостатков можно отметить отсутствие специального раздела библиографии с рекомендательными списками литературы. В книге библиография невелика и дана в постраничных ссылках. Можно было бы также расширить указатели, помещенные в конце издания.

Однако, несмотря на все эти упущения, советская этнографическая общественность с полным правом может выразить глубокую благодарность одному из своих виднейших представителей, профессору Сергею Александровичу Токареву, за глубокий и содержательный труд, необходимость в котором ощущалась многие годы.

М. А. Членов

НАРОДЫ СССР

Ю. И. Кирьянов. *Жизненный уровень рабочих России (конец XIX — начало XX в.)*. М., 1979, 285 с.

Изучение экономического положения рабочих дореволюционной России — одна из самых актуальных научных проблем. Находясь на стыке ряда общественных наук, она, естественно, привлекала и привлекает внимание ученых разных специальностей — историков, этнографов, экономистов, социологов. Появилось большое количество исследований по этой теме. Но при обилии работ локального и узкоспециального характера, охватывающих отдельные аспекты проблемы экономического положения пролетариата, до сих пор крайне редки обобщающие труды, где бы эта проблема рассматривалась в целом и к тому же не в статике, а в динамике.

Именно таким исследованием является рецензируемая монография Ю. И. Кирьянова. Не претендуя на исчерпывающую характеристику проблемы экономического положения рабочих, автор берет из нее наиболее существенное — удовлетворение основных потребностей. Назвав это «жизненным уровнем рабочих», он рассматривает его главные компоненты — бюджет времени, заработную плату, питание, жилищно-бытовые условия. Каждому из них посвящена особая глава монографии.

Во «Введении» дается обзор использованных источников и краткий очерк состояния изученности проблемы. И то и другое, несомненно, заинтересует всех, кто изучает историю пролетариата России. Но главную ценность, на наш взгляд, представляет попытка теоретического осмысления самих понятий «экономическое положение» и «жизненный уровень» рабочих (как уже отмечалось, Кирьянов разделяет эти два понятия).

Приведенные во «Введении» высказывания классиков марксизма-ленинизма о сущности, особенностях и компонентах экономического положения пролетариата, его жизненного уровня в эпоху капитализма и факторах их изменений, прокомментированные и систематизированные автором монографии, образуют прочную методологическую основу исследования. Особенно важно, можно сказать ключевое, значение имеет здесь определение сущности уровня жизни как достигнутого уровня потребления и в то же время степени удовлетворения постоянно растущих потребностей (с. 4). Выяснение диалектической взаимосвязи этих понятий (уровня потребления и потребностей) позволяет глубже разобраться в действии открытого К. Марксом закона абсолютного и относительного обнищания пролетариата в условиях капитализма.

Опровергая распространенные вплоть до недавнего времени в литературе неверные выводы из этого закона, Ю. И. Кирьянов сначала теоретически — во «Введении», а затем на конкретном фактическом материале в главах монографии — показывает, что под влиянием технического прогресса и особенно в результате борьбы рабочих за свои права, жизненные условия пролетариата капиталистической России медленно, но неуклонно улучшались. В частности, наблюдалось сокращение рабочего дня, повышение заработной платы, известное улучшение питания и жилищно-бытовых условий рабочих.

Однако по мере развития промышленности и пролетариата, превратившегося из «класса в себе» в «класс для себя», все больше углубляется противоречие между экономическим положением рабочих и их растущими потребностями. Ограниченные возможности удовлетворения потребностей, усиление эксплуатации рабочих, рост общественного неравенства — таковы общие закономерности, приводящие к абсолютному и относительному обнищанию пролетариата в капиталистическом обществе. В России этот процесс усугубляется феодально-крепостническими пережитками в социально-экономи-